

Е.Е.Ледников

О ПОНЯТИИ И СУЖДЕНИЯХ СУЩЕСТВОВАНИЯ

Abstract. *The paper reevaluates Kant's argument against treating the existence notion as a predicate. The author agrees with Kant, Russell, Carnap, and Quine's point of view that existence contexts are expressed with the help of logical quantifiers. At the same time the author believes existence predicate to be modal (meaning epistemic modalities) and it helps us to construct true assertions about physically nonexistent objects impossible for example in Russell's theory of definite descriptions.*

Понятие существования своей кажущейся загадочностью все еще привлекает философов. Эпизодически вспыхивает, по крайней мере в логико-философской литературе, дискуссия о том, является ли существование предикатом¹. Мы намерены продолжить эту дискуссию – не только решительно возразить против понимания существования как предиката, но и пойти несколько дальше обычных дискуссий такого рода, по-новому взглянув на природу суждений существования.

Анализируя понятие существования, следует прежде всего воздать должное И.Канту. Он, как известно, не признавал ни опытной, ни теоретической возможности доказательства бытия бога. Последнее, по его мнению, выступает только объектом веры. Поэтому Кант не мог согласиться с правомочностью так называемого онтологического доказательства, обычно приписываемого средневековому схоласту А.Кентерберийскому. Изучая его структуру, Кант пришел к заключению, что существование не является свойством вещей, предикатом, способным увеличивать содержание субъекта мысли. «Если я мыслю вещь посредством каких угодно предикатов и какого угодно количества их (даже полностью определяя ее), то от добавления, что эта вещь *существует*, к ней ничего не прибавляется. В противном случае существовало бы не то же самое, а больше того, что я мыслил в понятии, и я не мог бы сказать, что существует именно предмет моего понятия. Если я даже мыслю в какой-нибудь вещи все реальности, кроме одной, то

¹ Последняя – в статье К.Ф.Самохвалова, где автор не только призывает «не пренебрегать предикатами существования», но и делает весьма обязывающий вывод, что «при некоторых естественных предпосылках невозможно быть последовательным атеистом» [1, с. 276].

от того, что я скажу: *эта вещь, в которой чего-то не хватает, существует*, – недостаточная реальность не прибавляется: вещь существует именно с тем недостатком, с каким я ее мыслил; в противном случае существование принадлежало бы к чему-то иному, а не к тому, что я мыслил» [2, с. 362]. Замечание Канта выглядит и убедительным, и остроумным, поскольку от того, является ли существование предикатом, у него зависит сама возможность адекватного воспроизведения предметов действительности в мысли. Чуть раньше Кант замечает, что сотня действительных талеров не содержит в себе «ни на йоту больше», чем сто возможных талеров – в противном случае мы не смогли бы правильно вообразить действительные талеры [там же].

Идея Канта о том что существование не является предикатом, разделялась видными представителями философии логики – Б.Расселом [3, с. 103], Р.Карнапом [4, с. 83], У.Куайном [5, с. 224]. Уже это обстоятельство заставляет быть осторожным в ее критической оценке. Содержит ли аргументация Канта слабые места, уязвимые для критики? На первый взгляд, не совсем ясно, как согласовать кантовские рассуждения о сотне талеров с тем, что он хорошо понимал различие между мыслимым и реальным существованием, предостерегая от заключений о бытии вещи на основе ее возможности, т.е. на основе логически непротиворечивого представления ее в мысли [2, с. 361]. Ведь воображаемыми деньгами не расплатишься за покупки, и никому не придет в голову пообедать воображаемым бифштексом. Почему же у действительных талеров не больше свойств, чем у воображаемых? В чем в таком случае заключается различие действительного и возможного, если не в свойствах?

Однако более внимательное прочтение Канта позволяет обнаружить, что он имел в виду не сравнение мыслимых денег с реальными, а мыслимых денег в присутствии реальных и при их отсутствии. Ясно, что присутствие или отсутствие предмета мысли не должно влиять на ее содержание. «От связи с содержанием совокупного опыта, – говорил Кант, – понятие предмета несколько не обогащается» [2, с. 363]. Другими словами, реальность предмета, его существование означает не обогащение его понятия предикатом существования, а, говоря словами Канта, «выход за его (понятия) пределы» (там же). «Для предметов чувств, – продолжает он, – это достигается посредством связи с каким-нибудь из моих восприятий по эмпирическим законам» [там же]. То есть реальные предметы от воображаемых Кант отличает по тем особенностям, что свойства первых воспринимаются, тогда как свойства вторых – нет. В более общей форме, существование осознается нами либо

с помощью непосредственного восприятия свойств существующих предметов, либо с помощью выводов, связанных с восприятием [там же]. Так что реальные деньги воспринимаются покупателем и продавцом, служат платежным средством, а воображаемые остаются лишь мечтой бедняка.

Давайте придадим сказанному Кантом более современную форму. Предикация с помощью связки «есть» предполагает использование одного из ее значений: 1) выражения принадлежности элемента классу, как в суждении «Сократ (есть) мудр»; 2) выражения включения одного класса в другой, как в суждении «греки (суть) люди»; 3) выражения тождества, как в суждении «Сократ (есть) муж Ксантиппы» [6, с. 227]. Ограничимся, для простоты, значением (1). В этом случае предикация означает зачисление предмета мысли в какой-то разряд (класс), тем самым определяя его специфику. В частности, предикация «*a* (есть) красный», где *a* – предметная константа, зачисляет предмет *a* в класс красных предметов, и он уже не может принадлежать к зеленым. Но предикация «*a* (есть) существующий» действительно, в согласии с мнением Канта, ничего не добавляет к характеристике предмета; коль скоро предмет *a* назван, он тем самым уже отнесен к выбранному универсуму рассуждения. Поэтому, в отличие от предиката «красный», позволяющего специфицировать красные предметы, отличать их от предметов другого цвета, предикат существования такой специфицирующей функции в универсуме рассуждения не выполняет. Предикация существования оказывается, таким образом, фиктивной.

Не меняет сути дела использование в качестве субъекта суждения предметной переменной – ведь оно предполагает задание области ее изменения, т.е. опять-таки выбор универсума рассуждения. Так что выражение «*x* существует», в отличие от «*x* красный», не образует элементарной формулы логики предикатов, истинной для одних значений *x* и ложной для других. Вот почему в стандартной кванторной теории смысл утверждений существования выражается кванторами общности и существования, а среди логических и дескриптивных предикатных констант предиката существования в ней нет. В стандартной кванторной теории существовать – значит, говоря словами Куайна, «быть значением квантифицируемой переменной» [5, с. 224], т.е. выполнять (делать истинным) предложение формализованного языка. Но выполнить предложение – значит попасть в число объектов, составляющих объем дескриптивного предиката (или набора предикатов в случае сложного предложения кванторной теории). А это значит, что у Куайна критерий существования подразумевает под существованием

предмета наличие у него некоторых дескриптивных свойств². В том случае, если предмету нельзя приписать никаких известных свойств (предмет не попадает в объем никакого предиката), он не существует. Таким образом, существование или несуществование предмета выражается истинностью или ложностью соответствующего высказывания о нем. Истинность высказывания устанавливается либо наблюдением приписанных предмету свойств (их восприятием, сравним с приведенным выше рассуждением Канта), либо доказательством того, что предмет обладает интересующими нас свойствами. К первому случаю относится существование красных предметов, ко второму – существование простого числа больше ста.

Итак, логика как будто не нуждается ни в каких дополнительных средствах, кроме кванторов и переменных квантификации, для выражения контекстов существования. Однако не все так просто. Как различать существование «в уме», «в реальности», «в математике», «в эмпирических науках» и т.п.? К.Ф.Самохвалов предлагает ввести шесть предикатов существования, среди них предикаты «эмпирического» существования, «идеального» существования, «ментального» (а как его отличать от «идеального» или «воображаемого» существования? – *Е.Л.*), «реального» существования... [1, с. 277]. При желании подобных предикатов можно придумывать и побольше. Но вот его призыв «каждый такой предикат снабдить подходящими аксиомами» [там же], остается невыполненным – так, может, преждевременно «обогащать» подобными предикатами язык? Почему «логико-математическое» существование передается, по мнению Самохвалова, с помощью классических кванторов, а все остальные «виды» существования – с помощью специальных (впрочем, не определенных в статье) предикатов?

Статья Самохвалова порождает слишком много вопросов, чтобы все их обсуждать в данной работе. Ограничимся двумя замечаниями. Прежде всего, вводя «предикаты существования», он не замечает, что в действительности вводит сложные предикаты, включающие предикат тождества и дескриптивные характеристики предметов. Ведь «существовать эмпирически», «существовать идеально», «существовать реально» и т.п. значит, вполне в духе кантовской идеи, а также того, что говорилось Расселом, Карнапом, Куайном, существовать в виде чего-то более-менее определенного, так что все контексты существования,

² Одним из них может быть и логический предикат, например, предикат тождества в случае предложений $(\forall x)(x = x)$ или $(\exists x)(x = y)$.

беспокоящие Самохвалова, выражаются высказываниями вида $(\exists x)(x = (iy)P(y))$, где $(iy)P(y)$ - описание подходящего объекта умственных или чувственных и т.п. манипуляций (определенная дескрипция), а P - дескриптивный предикат, но не предикат существования.

Далее, еще Рассел, разрабатывая теорию определенных дескрипций, установил, что фразы о несуществующих объектах не являются указательными и не предполагают существования субъекта в высказываниях вида «золотая гора не существует», «круглый квадрат не существует». (Сюда же относится употребление слова «бог» атеистами, на которое Самохвалов пытается наложить запрет.) При логической перестройке предложения субъект в виде «пустого» имени исчезает. В результате оказывается, что, например, выражение «золотая гора не существует» означает: «не имеется объекта s такого, что выражение " x - золотое и имеет форму горы" истинно только тогда, когда x есть s , но не иначе» [7, с. 345]. Проще говоря, в суждении «золотая гора не существует» постулируется неосуществимая комбинация свойств, которой не обладает ни один предмет в выбранной нами предметной области географических объектов. Выражение «бог не существует», используемое атеистами, ничем в этом отношении не отличается и никаких особых трудностей не создает.

Остается еще одна важная проблема, обычно выпадающая из поля зрения исследователей. Если вернуться к кантовскому анализу онтологического аргумента, то напрашивается вывод, что все рассуждения о не существующем реально боге, как и о не существующих талерах и т.п. следует признать ложными. Вымысел не обогащает нас знанием мира, подобно тому как купца не обогащает приписывание к его кассовой наличности нескольких нулей [2, с. 364]. В этом же духе высказывался Рассел, который руководствовался «грубым чувством реальности», почему и объявил ложными все утверждения о «нынешнем короле Франции» [3, с.103]. Однако мы постоянно делаем истинные высказывания о «не существующих» предметах. Кто усомнится в истинности высказывания «Пегас был пленен Беллерофонтом», если именно это происшествие случилось с крылатым конем в греческой мифологии? Кто усомнится в справедливости высказывания, что круглый квадрат не является треугольником? Кто усомнится в том, что Цезарь перешел Рубикон?

По нашему мнению, подобное возможно потому, что все суждения существования при их логической реконструкции обнару-

живают скрытую модальную природу³. Ведь содержательно ясно, что рассуждать о существовании чего-либо можно только в том случае, если речь идет об *известном* или *предполагаемом* существовании. Поэтому любое высказывание, характеризующее предмет мысли, должно, вообще говоря, начинаться с указания источника знания (или мнения): «из чувственного опыта известно, что...» (когда говорим об объектах чувственного восприятия); «из физики известно, что...» (когда говорим об объектах физического мира); «из математики известно, что...» (когда говорим о математических объектах); «из моих фантазий мне ясно, что...» (если речь идет о моем воображаемом «мире»); «из мифологии известно, что...», и т.д. В таком случае понятия «существующего» и «несуществующего» объектов теряют свой абсолютный смысл, попадая в зависимость от модальных контекстов знаний и мнений. И если завтра кому-нибудь вздумается написать литературную фантазию о похождениях «нынешнего короля Франции», то в контексте подобного литературного произведения данный объект будет не менее «реальным», а ряд высказываний о нем – истинными, чем это касается объектов чувственного восприятия. Строго говоря, нет пределов тому, что человек способен логически корректно рассматривать в качестве существующего, поскольку мысленно могут быть построены любые желаемые объекты и заданы контексты, относительно которых высказывания о подобных объектах будут истинными или ложными. Так что суждение «арбуз – красный» будет истинным исходя из нашего восприятия, «существуют простые числа» – исходя из наших знаний о теории чисел, а «существует миллион рублей в моем кармане» – исходя из моих фантазий.

Разумеется, далеко не всегда возникает необходимость в явном указании контекстов существования. В случае «однородного» контекста, когда речь идет, скажем, исключительно о физическом мире или о математических объектах, или даже о мифологии, постоянное упоминание контекста только усложняет выражение мыслей. Открывая книгу по греческой мифологии, мы не нуждаемся в постоянном напоминании о том, что именно мы читаем. Но в случае «смешанного» контекста, если в одном ряду идут рассуждения, скажем, об астрономической Вселенной, перемежающиеся математическими выкладками и экскурсами в мифологию, явное указание контекста становится обязательным.

³ В смысле эпистемических модальностей, с помощью которых технически наиболее удобно реконструировать перечисляемые далее контексты.

Таким образом, никакой нужды в многочисленных предикатах существования или хотя бы в единственном подобном предикате логика не испытывает, хотя, разумеется, такие предикаты могут вводиться в логические языки с помощью аксиом или явных определений. Вот только приведет ли подобная процедура к обогащению выразительных возможностей этих языков, или предикаты окажутся элиминируемыми? Во всяком случае, языки с эпистемическими модальностями в предикатах существования не нуждаются. Учет модальной природы контекстов существования позволяет сохранить кантовскую аргументацию по поводу понятия существования, одновременно усовершенствовав все то, что говорилось по поводу утверждений существования Расселом, Карнапом, Куайном и другими выдающимися философами логики двадцатого столетия.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Самохвалов К.Ф.* Предикаты существования и «онтологический аргумент» // Логические исследования. М., 1999. Вып.6.
2. *Кант И.* Критика чистого разума. М., 1994.
3. *Russel B.* On denoting // Contemporary readings on logical theory. N.Y., 1967.
4. *Карнап Р.* Преодоление метафизики логическим анализом языка // Аналитическая философия: становление и развитие. М., 1998.
5. *Quine W.V.* Methods of logic. N.Y., 1961.
6. *Френкель А, Бар-Хиллел И.* Основания теории множеств. М., 1966.
7. *Рассел Б.* История западной философии. М., 1993, Т.2.